

Paul Starobin. After America: Narratives for the Next Global Age. Viking Adult, 2009. 358 p.

Двадцать три года назад Пол Кеннеди написал книгу о взлете и падении сверхдержав¹. Он обнаружил у Соединенных Штатов и Советского Союза признаки имперского «перенапряжения» сил и заявил, что их ждет судьба других великих мировых держав прошлого — от Древнего Рима до Британской империи. Надо сказать, что подозрения на этот счет витали тогда в воздухе. Так, о неизбежном «отступлении американского империализма» теоретики французской компартии заговорили, кажется, еще на рубеже 1960—1970-х. Формула «доживет ли СССР до 1984 года» с легкой руки советского диссидента Андрея Амальрика стала чуть ли не самой расхожей среди бесчисленных «пикейных жилетов», правда, главным образом в самом Советском Союзе. Целый ряд теперь уже забытых (не совсем заслуженно) маргинальных интеллектуалов время от времени оживляли старый футурологический миф Освальда Шпенглера о «закате Европы», который теперь переносился на США. Кремлевские марксисты, надо сказать, Шпенглера недолюбливали по разным причинам, в том числе и потому, что тот напоминал о неизбежном конце любых культурных формаций — любых, значит, и нашей? Заката Америки никто в Москве не только не предвидел, но и не хотел: система двух сверхдержав по мере ее рутинизации обнаруживала как будто бы все больше преимуществ для обоих колоссов. По этой причине и писания французских марксистов о близящемся закате США были объявлены опасным заблуждением.

Но в самом конце 1980-х атмосфера изменилась. Все уже чувствовали, что дальше так продолжаться не может, и Пол Кеннеди, в

очередной раз повторивший это, был объявлен пророком. Его книгу «Взлет и падение великих держав» обсуждали буквально на каждом углу. Но быстро забыли. Главным образом, вероятно, по той причине, что в ней предрекался крах обеих сверхдержав, а рухнула лишь одна. Многим в этой ситуации почудился окончательный триумф американизма, и это тут же было зафиксировано в легковесной книге Франсиса Фукуямы «Конец истории»². В тени грандиозного исторического зрелища краха так называемого «советского блока», или «коммунизма», про «сверхдержавную перенапряженность» США перестали судачить. Остался без должного внимания и доклад Национального совета по разведке (*National Intelligence Council*) 2004 года. Но теперь, двадцать с небольшим лет спустя после выхода книги Кеннеди, пришло время напомнить о ней и отдать ей должное. Ведь самое интересное в этой книге было именно то, что она объявляла параллельный крах двух держав, а не одной из них. По всем признакам похоже на то, что Америка теперь окончательно стала на путь, перед которым топталась двадцать лет, а если верить старым французским коммунистам, то и все сорок.

Комментариев к этому важному повороту всемирной истории набралось уже предостаточно. Но в большинстве своем они полны сенсационных преувеличений и либо злорадно глумливы (особенно российские), либо панически катастрофичны (особенно консервативно-американские). Пол Старобин в рецензируемой книге «После Америки: Нарративы для грядущего глобального века» трезв и неоднозначен в своих оценках. Конец американского превосход-

ства для него «несчастье», но также и «освобождение» (с. 9).

Автор подмечает массу признаков отступления и упадка Америки. Он напоминает, что половина американского государственного долга размещена в зарубежных странах, включая геополитических конкурентов США, в то время как МВФ и прочие международные финансовые институты теряют свое значение в качестве инструментов американского влияния, а доллару все труднее играть роль всемирной валюты (с. 80). Падает авторитет американской модели капитализма, американской юриспруденции (с. 7) и корпоративного менеджмента (с. 80), то есть американской культуры бизнеса. Отступает Голливуд, а вместе с ним и тормозится экспансия американского образа жизни. Чтобы проиллюстрировать падение культурного влияния Америки, Старобин приводит любопытный пример: отсутствие следов американизма в реконструкции Берлина (с. 84). Но особенно тревожно выглядит то, что США теряют лидерство в науке (с. 78) и передовых технологиях — последнем оплоте американского превосходства. Ведь считается, и не без оснований, что передовых позиций в производстве инструментально полноценного интеллектуального продукта вполне достаточно, чтобы контролировать мир, которому будут уступлены все остальные сферы человеческой активности. Это наблюдение о потере США своего первенства автор иллюстрирует примерами из таких областей, как робототехника, зеленые технологии (с. 88–89) и даже технологии связи. Так, по скорости копирования из Интернета США, оказывается, находятся на 15-м месте в мире позади Португалии (с. 85) — кто бы мог подумать!

Что все это значит для Америки, которая, по словам Старобина, ощущает себя одновременно «цивилизацией», «миссией» и «нацией (государством)» (с. 22). Кризис

США как исторического лидера и как геополитической супрематии — тесно переплетенные явления, разделить их трудно, и, как мне кажется, автор недостаточно размышляет об этой весьма интересной проблеме. В книге нет соответствующей казуистики, и ее структура в результате выглядит недостаточно продуманной и слишком уж простой. Вернемся, однако, к тексту книги и проследим за ходом размышлений автора.

Похоже, что «американизм» казался его носителям не просто одной из исторических цивилизаций, а *единственной подлинной цивилизацией* (*The Civilization*), возникшей из хаоса экспериментальных и несовершенных набросков исторического прошлого. Образчиком такого представления были взгляды знаменитого газетного магната рубежа XIX–XX веков Генри Люса, рассуждавшего об «американском веке навсегда» (с. 48). Столп американского либерализма Уолтер Липпман, напротив, считал, что это исторически преходящее явление — как и супрематия других цивилизаций (с. 49–50). Старобин скорее согласен с Липпманом, констатируя, что американская цивилизация подходит к своему концу (с. 6). Кроме того, он напоминает, что эта цивилизация вовсе не отличалась так сильно от европейской, как ей самой хотелось бы (с. 31). Так оно и есть: из России, то есть несколько со стороны, это хорошо видно. Несмотря на множество тонких различий между американизмом и европеизмом, которым многие по обе стороны океана продолжают придавать глубокий смысл, в широкой исторической ретроспективе, конечно, речь идет о единой и исторически непрерывной христианской цивилизации с местными модификациями.

А коли так, то американская миссия состояла в том, чтобы распространить европеизм за пределы его первоначального очага. Выполнением этой миссии Америка и занималась на протяжении двух веков, осо-

бенно последние сто лет. Ныне эта миссия завершена, и как будто бы успешно (что и сбивает с толку восторженных поклонников американизма вроде Фукуямы 15 лет назад). В том смысле, что на всех культурах мира теперь лежит отпечаток вестернизации, хотят они того или нет. Оставшиеся совсем не затронутыми западными влияниями культуры бесперспективны и оказываются за бортом дальнейшей глобальной эволюции. В этом смысле все-таки осуществилось то, чего так страстно жаждал Генри Люс. Всемирная цивилизация возникла, и в самых общих чертах она американская (евроамериканская), замешенная на культурной и правовой эмансипации индивида и на частной собственности. Так ее вроде бы и видит Старобин: либерализм, в будущем дополненный некоторым влиянием Востока, например, потребительской сдержанностью в духе, скажем, буддизма (с. 316–317). Такое впечатление, что главной тенденцией в будущем станет появление разных вариантов этой универсальной цивилизации, а оценка их новизны — дело субъективное.

Так или иначе, завершив свою историческую миссию, Америка в каком-то важном смысле остается не у дел и должна теперь к этому адаптироваться. А это создает проблемы для ее национального сознания. Дело усугубляется, еще и тем, что ее геополитическая роль тоже оказывается под вопросом. Оставшись на какое-то время единственной сверхдержавой, она было попробовала себя в роли мирового жандарма, но больших успехов на этом пути не добилась. Старобин напоминает, впрочем, что данную роль она всегда выполняла неохотно, да и значительная часть мира все равно для нее недостижима (с. 103–104). Поэтому конец американской и без того с самого начала «ограниченной» геополитической супрематии представляет собой проблему даже не столько для самой Америки (хотя для некоторых кругов в

Америке, конечно, представляет), сколько для всего мира. Мир на какое-то время остается «без хозяина» наподобие России в знаменитой экстраваганзе А.К. Толстого: «Мы же без царя, как раки, тоскуем на мели».

Далее автор пытается вообразить, как будет выглядеть мир структурно с концом того, что недавно было двухполюсной системой, и последующим провалом попытки утвердить однополярность. Он называет пять наиболее обсуждаемых вариантов: 1) хаос; 2) многополярность; 3) «китайский век»; 4) «города-государства»; 5) «универсальная цивилизация глобального народа».

Перспективу хаоса, то есть полной катастрофы, образ которой так любит муссировать Голливуд, Старобин упоминает вскользь.

Тенденцию же к *многополярности* автор оценивает с точки зрения не столько сопротивления этому Вашингтона, сколько вероятности появления новых полюсов силы, действительно способных к поддержанию мирового порядка по вестфальской схеме (последним ее гарантом были вместе США и СССР). Возможности кандидатов на эти роли он оценивает скептически. Так, Индия пытается выглядеть военно-морской державой, доминирующей в Индийском океане, но при этом не может решить проблемы, связанные с покупкой земли для строительства базы ВМС. Неэффективна даже ее береговая охрана. И вообще, Индия при ее разветвленной многопартийности с сильными локальными партиями с трудом поддается мобилизации. Экономические успехи Индии — это успехи некоторых сегментов популяции в мировой экономике и некоторых городов-районов. Нация же в целом по-прежнему пребывает в созерцательном и пассивном состоянии. Европа и Япония утратили инстинкт великодержавия (с. 177–178). Россия имеет реваншистские поползновения и жесткую силу, но слабую экономику (с. 179). В Вашингтоне модно усматривать новую силу в Иране и в

антиамериканской оси Иран – Венесуэла, особенно если у них будет ядерное оружие. Но одно ядерное оружие не делает сверхдержаву. Бразилия в роли полюса силы выглядит более правдоподобно (с. 180, 181).

Старобин подчеркивает, что многополюсный мир требует возрождения национализма, который после расцвета в XX веке, похоже, сдан в архив (там же). Это – важная мысль, и возразить на нее нечего. Но далее автор переводит свое наблюдение, хотя и не очень решительно, в нормативный план, склоняясь к мысли, что «для постамериканского мира национализм может быть *полезен*» (с. 182). Однако это вовсе не очевидно. Во всяком случае, аргументация, приводимая в книге, кажется стерильной. Ливан или Ирак нуждаются в общегосударственном национализме (то есть чувстве общей родины) для консолидации (с. 182–183)? Пожалуй, да, но так ли нужна их консолидация? Автор также напоминает, что национализм не обязательно должен быть агрессивным вовне. Это тоже правда. Но такой национализм годится лишь как утешение мелким и слабым участникам мировой системы. Таков, например, «негритюдный» гаитянский национализм. Однако к проблеме многополюсной архитектуры мирового порядка он отношения не имеет. Многополюсная (двухполюсная и больше) система – это круговой мирный договор на основе баланса сил гарантов этого договора, то есть система, в которой мир обеспечивается не оборонительным изоляционистским национализмом участников, а силовым паритетом активных и «азартных» (чтобы не сказать «агрессивных») национализмов. Такой мир, конечно, лучше ссоры, но, как показал опыт, он хрупок и рискован. На очереди, как я думаю, не многополярность, а коллегиальность в управлении миром³, но этот вариант Старобин не обсуждает, хотя статью Ричарда Хааса в другом месте упоминает.

Китайский век автор рассматривает в понятиях то ли культуры, то ли геополитики – не очень понятно. В любом случае, называя предстоящий век «китайским», он определенно отсылает нас к прошедшему «американскому веку» как прецеденту, что позволяет увидеть в Китае следующую доминирующую цивилизацию с собственной миссией – исторического субъекта, принявшего от Америки эстафету универсальной цивилизации, равно как и мирового геополитического (имперского) гегемона.

Дорога к «китайскому веку», пишет Старобин, будет похожа на дорогу к американскому – зигзаг, порожденный экономическими императивами вкупе с затруднениями и просчетами конкурентов (с. 188). Иными словами, Китай, как и США в недавнем прошлом, геополитически совсем не рвется к роли мирового жандарма. По меньшей мере официально китайцы не соглашаются считать себя империалистами. Автор приводит интересные наблюдения, как будто бы подтверждающие подобную саморепрезентацию Пекина. Например, инвестируя в минеральные ресурсы Чили, Китай настойчиво подчеркивает, что его политика – невмешательство, что он не рвется к контролю над ресурсами и что инициатива двусторонних отношений исходит от Чили. Интересно, что большинство чилийцев думают так же; согласно опросам они больше доверяют Китаю (55 проц.), чем США (28 проц.) (с. 198–202). Самая трудная для Китая задача – сконструировать глобальный нарратив, который помог бы остальному миру смириться с его доминирующим положением. Север, как считает автор, не примет китайский нарратив, но он и обращен не к богатому Северу (с. 206–207), а к Югу, где он не встретит серьезного сопротивления (с. 209–210). Если Китай станет «мягкой» сверхдержавой, какой была когда-то Америка, то его доминирование в мире вряд ли удастся предотвра-

тить (с. 212). Хорошо, что Китай, как думает Старобин, совершенно равнодушен к чужой культуре и порядкам, то есть никому не будет мешать самоуправляться по-своему. А если учесть, что в плане потребления Китай быстро вестернизируется, то его гегемония вообще в большой мере может свестись к его весу и, стало быть, к структурному значению в мировой экономике.

Если выдвижение Китая на роль сверхдержавы и ядра мировой экономики означает лишь смену паровоза у того же самого поезда, идущего по тем же самым рельсам, то наступление *эпохи городов* предполагает, что по тем же рельсам пойдет поезд, составленный из вагонов другого типа. Главным структурным компонентом мирового порядка в этой перспективе станут не государства-нации (национал-государства), а мегаполисы, или, если угодно, «города-государства». Автор дает наглядное представление об этой новой архитектуре мирового порядка, говоря о саммитах, где будут совещаться влиятельные мэры городов вместо глав государств (с. 220). Я добавил бы к этому такой интересный образец геополитической семиотики, как термин «правительство Москвы» (кстати, Москву Старобин характеризует как «Вашингтон, Нью-Йорк, Лос-Анджелес и Лас-Вегас, вместе взятые» — с. 218). Убеждение, что Москва это не Россия, кажется, очень сильно среди российской общественности. Не менее сильно в соответствующих странах ощущение, что Нью-Йорк или Лос-Анджелес — это не США, а Лондон — не Великобритания. Единство национальной экономики в многообразной Америке, пишет Старобин, — это фикция (с. 217), такая же, как единая экономика Индии или Китая. Добавим: и России, и Бразилии, и Мексики. Конечно, материальную структуру мирового сообщества уже сейчас реалистичнее представлять в виде сети мегаполисов с условно пустым пространством между

ними⁴. И этой материальной структуре уже соответствуют некоторые эскизные организационные структуры с собственной дипломатической средой. Но сумеет ли такая дипломатическая среда вытеснить нынешнюю среду межгосударственных отношений, совсем не ясно, и пока даже не видно, чтобы это начиналось.

Старобин об этой стороне дела ничего не говорит, но больше внимания обращает на проблематичность консолидации «городов-государств». Главная их проблема, пишет он, труппы и огромная масса второсортных, то есть не включенных полностью в местные уравнивательные социальные сети, резидентов, — это те, кого в античной Греции называли *metoiki*: их 49 проц. в Торонто, 35 в Лос-Анджелесе, 27 проц. в Лондоне (с. 236). Автор, сказав «а», не говорит «б». Скажем это за него: в мегаполисах реальнее всего гражданская неравноценность населения, то есть им еще предстоит то, что уже сделано в передовых нациях, а именно конституционная консолидация, без которой они опять-таки не могут стать настоящими конкурентами государств в системе мирового порядка. Но если все же станут, к лучшему ли это? Как считает Старобин, возникнет новый субъект национализма на месте старого (с. 237), но поскольку «города-государства» меньше склонны к насилию (с. 238), они будут конкурировать за престиж и привлечение к себе богатых людей, а также за репутацию хорошего управления. Однако «города-государства» не лучшее место для демократии, в них и раньше правили автократы и олигархи (с. 240–241). Города уже были главной геополитической агентурой антропосферы в доиндустриальную эру. Их возвращение в этой роли на место национал-государств, которые как будто бы начали атрофироваться, — увлекательный сюжет, заслуживающий более подробного

рассмотрения. У него много аспектов, не затронутых в книге.

Последний вариант постамериканского мира, упоминаемый Старобин, это «*универсальная цивилизация всемирного народа*». Она возникает по трем осям: торговля — права человека — здоровье планеты (с. 244). У этой темы два аспекта — ценностно-содержательный и структурно-организационный. Автор не разделяет их достаточно четко и в главе на эту тему говорит почти исключительно о втором. В структурном аспекте, как показано в книге, мир уже сильно продвинулся вперед: существует множество глобальных институтов, глобальные медиа (с. 242–243), быстро происходит глобализация коммерческого права (с. 247). Вообще унифицируется вся правовая среда вплоть до судебной процедуры. Сейчас уже действует около двадцати всемирных судов; Старобин упоминает только *ICC* (Международный уголовный суд) и почему-то не говорит о сопротивлении Вашингтона этой инициативе. Носятся в воздухе идеи глобальной системы регуляции финансовой индустрии и глобальной валюты (вместо доллара) — их авторитетный сторонник Пол Волкер. Обсуждается также возможность глобального гражданства и глобального правительства. Еще совсем недавно ратовать за это могли только «чайники». Сейчас же это вполне уважаемые идеи даже в глазах академии, видимо циркулирующие и в коридорах власти. Автор ссылается на Ричарда Бёрта — бывшего посла США в Германии, а ныне сотрудника Центра глобальных консультаций Генри Киссинджера, который без обиняков говорит, что ТНК предпочли бы всемирное правительство (с. 249).

Как американец Старобин, естественно, беспокоится о том, как ответит сама Америка на вызов «постамериканского века»: сумеет ли она найти адекватный

ответ, не угрожающий ни ей самой, ни всемирному сообществу. Задача не простая, и Америку тут подстерегают разного рода ловушки. Автор прежде всего уговаривает инертные имперские силы в США не бояться многополярности; для Соединенных Штатов разделение ответственности с другими, дескать, лучше и ничем им не грозит (с. 183–186). Не вполне понятно, однако, имеет ли он в виду геополитическую многополярность — баланс сил по вестфальскому типу и по типу недавней двухполярности или же коллегиальность поддержания мирового порядка. А стоило бы данный вопрос уточнить, поскольку это две разные возможности. Если он имеет в виду первый вариант, то он до некоторой степени ломится в открытую дверь, поскольку Вашингтон пока, кажется, сам искал себе сильных врагов — сперва в виде Ирака, теперь в виде Ирана, кто будет следующим? США могут также, реагируя на конец своей гегемонии, пойти по «темному пути», как это называет Старобин. Разочарованные сорвавшейся гегемонией, американские «деревенщики» могут оказаться жертвами ностальгии по временам американской (воображаемой или нет) исключительности и законсервироваться в собственной национальной «крепости» (с. 297), возродив изоляционистскую традицию изначальной американской идеи — дарвинизм внутри, экономический национализм наружу и протекционизм (с. 38–39). Автор, как и следовало ожидать, надеется, что американское общество выберет «светлый путь», откажется от высокомерия в духе Генри Люса, приобретет способность не только учить других, но и учиться (с. 299), будет инвестировать за границей (с. 301–302).

Старобин особенно настойчиво рекомендует не поддаваться панике из-за усиления Китая. Эта паника, как он считает, совершенно иррациональна: «Если Америка уступит

гегемонию Китаю, это будет болезненно не столько для ее кармана, сколько для ее ментальности. Конечно, к любому варианту постамериканского мира Америке придется ментально и психологически адаптироваться, но в случае прихода «китайского века» эта адаптация будет особенно трудной. Об этом предпочитают помалкивать, ведь иначе придется признать, что в современном мире лидерство принадлежит «небелым», которые живут где-то далеко от очага американской цивилизации, родившейся в лоне Европы. Ядовитая смесь обиды и расовых предрассудков и неприятное подозрение, что «они башковитее нас», может оказаться очень опасной. «Китайский век» в этом смысле может быть решающим испытанием американской культурной терпимости. «Легко проповедовать глобальное разнообразие, когда тебе принадлежат господствующие позиции в этом разнообразии» (с. 213).

К счастью, значительная часть американской общественности, по-видимому, способна выдержать это испытание. Обнадеживает то, что только 38 проц. жителей США положительно ответили на вопрос, имеют ли американцы уникальную национальную идентичность (с. 296). Трудно понять, много это или мало, но, так или иначе, можно с основанием предположить, что оставшиеся 62 проц. не должны бояться утратить пресловутую идентичность и без труда заметят, как значителен американский вклад в нарождающуюся всемирную культуру. Не говоря уже о том, что ее самовозрастание идет прежде всего в самой Америке. Автор дает яркое описание Калифорнии как самого интенсивного очага этого процесса (с. 286–285). И именно в лоне американской цивилизации может зародиться некое пока совершенно непредусмотренное «*эмерджентно-новое*» — «новая социальность» по-новому технологически оснащен-

ных индивидов, ведущая к мультиполярности абсолютно неслыханного модуса. Новая и гораздо более мощная технологическая оснащенность индивида подорвет давнюю политическую традицию с ее вертикалью. На месте полюса силы (власти) возникнут мириады полюсов. Такого рода «полезный хаос» (*happy chaos*) не будет миром случайности и беспорядка. «Высокооснащенные индивиды станут способны, напрямую общаясь каждый с каждым, создать свои собственные модусы (*patterns*) совместности» (с. 153). Это красивый азартный образ глобальной системы как федерации суверенных индивидов, некоторым образом «индивидов-государств». До сих пор подобное казалось невероятным и никак не подтверждалось реальностью. Здесь пахнет просто иной реальностью — к худу или к добру.

Стоит заметить по поводу этой фантазии, что такая экстраполяция давно идущего процесса эмансипации личности совпадает с нормативной утопией неоклассическо-неолиберальной экономической теории — обществом-рынком, где единственный легальный агент — индивид и где нет никаких промежуточных коллективностей. Совпадает она и с анархическим идеалом безгосударственности. Тем самым, как бы ни выглядели конкретно «новые паттерны», в их основе все-таки обнаруживается либерал-экономическая американская мечта. И если так случится, то это будет означать, что «американская идея» продолжает свое существование и, таким образом, слухи о ее смерти все-таки преувеличены, а американский век будет еще продолжаться, если угодно, без Америки. Во всяком случае, без Америки как мирового жандарма. Если, конечно, именно так и будет. До чего еще в любом случае далеко. ■

АЛЕКСАНДР КУСТАРЁВ

ПРИМЕЧАНИЯ ¹ *Kennedy P.* The Rise and Fall of the Great Powers: Economic Change and Military Conflict from 1500 to 2000. N. Y.: Random House, 1987.

² *Fukuyama F.* The End of History and the Last Man. Free Press, 1992.

³ См.: *Кустарёв А.* Цивилизация-должник: вызов

и ответ // *Pro et Contra*. 2009. Т. 13. № 5–6. *Haas R.* Non-Polarity // *Foreign Affairs*. Spring 2008.

⁴ Как это делает часто цитируемый Кеничи Омае. См.: *Kenichi Ohmae.* The End of the Nation State: The Rise of Regional Economies. N. Y.: Simon and Schuster, 1995.

Алексей Арбатов. Уравнение безопасности. М.: РОДП «Яблоко», 2010. 296 с.

Понятие «безопасность» в последние полтора десятилетия наполнилось таким количеством смыслов, что, похоже, утратило всякий смысл. В предыдущие два тысячелетия стоило лишь произнести это слово, как сразу же в воображении возникали тысячи людей с копьями, арбалетами, мушкетерами, винтовками, а потом и с автоматами, которые защищают рубежи империй, феодальных княжеств, национальных государств и их союзов. С тех пор как холодная война кончилась, а глобализация и информатизация стали повседневной реальностью, под безопасностью или, точнее, политикой безопасности понимаются практически любые меры по предотвращению каких бы то ни было потенциальных вызовов суверенитету государства, стабильности общества, жизни и здоровью граждан. В странах с не вполне демократическими правительствами к этому добавляются (а скорее, доминируют) вызовы существующему политическому режиму, которые подрывают позиции руководства у кормила власти. Не обходится без курьезов и жонглирования смыслами. «Политика обеспечения продовольственной безопасности», предложенная некоторое время назад лоббистами российского агропромышленного комплекса (правда, без особого успеха или резонанса), мне представляется одним из

символов размывания понятия «безопасность». Книга Алексея Арбатова «Уравнение безопасности» — удачная попытка вернуть этому понятию смысл, прежде всего в российском контексте, обозреть и проанализировать реальные, а не мнимые вызовы безопасности российского государства и общества, в первую очередь — но не только — в сфере обороны и внешней политики.

Сказать, что Алексей Арбатов не нуждается в представлении читателям *Pro et Contra*, было бы на первый взгляд справедливо. Депутат Государственной думы от партии «Яблоко» в течение десяти лет (1994–2003), публицист и ученый, автор рецензируемой книги — несомненно, известный человек и состоявшийся политик. Тем не менее далеко не все знают, например, о ранении Арбатова во время одной из его многочисленных поездок в Чечню, о том, насколько история его семьи, и прежде всего фронтовой опыт отца, академика Георгия Арбатова, идейно повлиял на принципиально антиавторитарное мировоззрение сына. Об этом тоже можно прочесть в книге. Читать ее интересно, хотя со многими соображениями Алексея Георгиевича хотелось бы поспорить.

От личного взгляда на идейно-политические итоги XX века, и в особенности на последствия холодной войны,

через анализ отношений России с соседями, Европейским союзом, Соединенными Штатами и Китаем к обсуждению военной реформы (или, скорее, ее необходимости) и вызовам будущего — такова, в общих чертах, канва книги.

Первые главы, посвященные истории, мне показались очень важными. В конце концов, обсуждать конкретные вопросы, связанные с угрозами безопасности, можно только четко представляя себе, каковы национальные интересы страны. В России ни политики, ни образованная часть общества пока такого представления не имеют, поскольку до сих пор так и не решили, что за страна сегодняшняя Российская Федерация: нежеланный плод исторической случайности или же закономерный этап развития, шанс создать современное государство, уважающее своих граждан.

Пожалуй, только история Второй мировой войны и сталинского периода вызывает большие споры среди думающего меньшинства, чем события, приведшие к краху СССР. Без честного ответа на вопрос: «Почему это случилось?» — российское общество не сможет разобраться, что ему дальше делать с собой и со своей страной. Большая часть граждан России убеждена в том, что гибель Советского Союза — результат несчастливой стечении обстоятельств, политических промахов Михаила Горбачёва, а также явных и тайных махинаций Америки. Алексей Арбатов отмечает этот удобный для большинства соотечественников подход, позволяющий снять с себя ответственность как за катастрофическое прошлое, так и за принятие осознанных решений о будущем России. «Россиянам еще предстоит по-настоящему осознать, что они живут в стране, кардинально отличающейся от Советского Союза, что ее возникновение было вызвано не исторической случайностью, не заговором внутри или вовне и не просчетом руководства — оно было

обусловлено объективным ходом событий, — пишет Арбатов. — А приход к власти Михаила Горбачёва, выдвижение Бориса Ельцина и провал августовского путча 1991 года были лишь субъективными катализаторами... давно назревших перемен. Они определили формы, но не суть происходящего» (с. 30).

С этим согласно большинство не только серьезных исследователей, но и просто образованных людей в странах Запада. Но в сегодняшней России, где ностальгия по СССР стала чем-то вроде полуофициального сертификата благонадежности, подобная мысль звучит неожиданно свежо, да еще из уст политика и исследователя, далекого от радикализма. Автор «Уравнения безопасности» пишет о победе России в холодной войне, поскольку освобождение от репрессивной и неэффективной империи и установление нормальных, невраждебных отношений с окружающим миром считает именно победой.

Точно так же он бескомпромиссен, говоря о неспособности современного политического класса России порвать со сталинизмом («как по методам, так и по катастрофическим результатам внутри своих стран эти режимы [Сталина и Гитлера] были весьма сходны» — с. 61), коррупцией («неизбежный и глубоко встроенный элемент сложившейся системы» — с. 40), изменить структуру государственного управления России («конгломерат ведомств, сросшихся с кланами крупного бизнеса и уже сформировавших свои собственные материально-бюрократические интересы» — с. 36).

Многие скажут: «Ничего нового в этих оценках нет. Достаточно послушать радио “Свобода” или почитать “Новую газету”». Это так, но в сознании большинства реформаторски настроенных интеллигентов политика безопасности остается чем-то отдельным, а иногда и не до конца понятным. Своей книгой Арбатов напоминает о том, что состояние политической системы напрямую связа-

но с тем, насколько защищенной чувствует себя страна. Автор книги был заместителем председателя думского комитета по обороне, и одно время его имя называлось (а при определенных обстоятельствах, возможно, будет названо вновь) в числе потенциальных кандидатов на высшие посты в военном ведомстве, а потому его анализ российской армии вызывает особый интерес. В то время как многие аналитики, даже реформаторского толка, концентрируются на вопросах комплектования армии (призывная или добровольческая?), технологического отставания от стран НАТО (а скоро и Китая) и оргштатной структуры (округа или направления, дивизии или бригады?), Арбатов сразу формулирует главную проблему — о необходимости установления демократического гражданского контроля над вооруженными силами. Для него «этот вопрос не только имеет право на существование, но и вполне назрел в российской политике обороны и безопасности» (с. 184). По мнению Алексея Георгиевича, это касается в том числе формирования механизмов контроля и над «святой святых военной политики» — ядерными вооружениями.

Арбатов, много занимающийся именно стратегическими вооружениями, компетентно и интересно пишет об одной из самых загадочных сфер политики безопасности — механизме принятия решения о применении ядерного оружия. В то время как в Соединенных Штатах эта процедура хорошо описана и логично вписывается в систему госуправления, в России, считает автор, царит полная неразбериха, в том числе и конституционная, и связано это с унаследованной от СССР схемой принятия решений. Знаменитым «ядерным чемоданчиком» обладает не только Верховный главнокомандующий (то есть Президент России), но и министр обороны и начальник генштаба. Кто отдает окончательный приказ о запуске ядерных ракет? Может ли кто-то принять такое

решение в обход президента, например, в случае неожиданного политического кризиса в верхах? Как будет реагировать система на террористический акт с применением ядерного оружия? В общем, какова цена ошибки? Арбатов прав, когда пишет, что в этой, казалось бы, сугубо технической проблеме, «как в капле воды, отражаются глубинные основы устройства общества и государства» (с. 192), и предлагает принять конкретные решения, чтобы сделать эту сферу более прозрачной и понятной для общества: покончить с тотальным засекречиванием огромного массива оборонной информации; расширить роль законодательной власти в разработке военной политики; сделать Совет безопасности РФ своего рода «надзирающим органом» в отношении силовых ведомств; принять закон «О правопреемстве верховного командования»; широко привлекать академическое сообщество к работе над решениями в области обороны и безопасности.

Нельзя не согласиться и со многими другими оценками автора, которые он дает на страницах «Уравнения безопасности». Китай, хотя и не представляет пока непосредственной военной угрозы, никогда не будет по-настоящему стратегическим партнером Москвы. Иран стремится к обладанию ядерным оружием, и это однозначно опасно для России. Российский политический класс поддерживает нераспространение оружия массового уничтожения на словах, но на деле далеко не всегда готов противодействовать тем государствам, которые это оружие жаждут иметь.

Вместе с тем книга «Уравнение безопасности» содержит немало парадоксов, а иногда и прямых противоречий. Порой кажется, что автор разрывается между зачастую печальными, но необходимыми выводами, которые он делает как честный исследователь и политик, и желанием быть предельно корректным в отношении политического курса российского руководства. Наверное, наиболее уяз-

вимым местом данной работы оказывается не критическое принятие Арбатовым идеи «многополярного мира» как в целом здоровой и даже полезной для России, и его убежденность, о которой он неоднократно пишет на страницах книги, что именно Запад, и прежде всего США, виноваты в неудачах российских реформ и в уменьшении роли Москвы в мировых делах. Здесь и кроется основное противоречие: предлагая гражданам и элите честно осмыслить советский опыт и отказаться от него, автор одновременно фактически снимает с них ответственность за неудачи и невнятность внешней и оборонной политики последних десяти лет. Если признать, что всему виной, скажем, операция НАТО в бывшей Югославии или, например, американское вторжение в Ирак без санкции ООН, то тогда воинственная риторика российских руководителей оправдана.

Если же все дело в неспособности политического класса России сформулировать ясные общественные цели демократического и правового развития России и воплощать их в жизнь без оглядки на личные или ведомственные интересы, то тогда ни ошибки администрации Буша, ни нерешительность Европейского союза, ни враждебность бывших союзников по соцлагерю не могут и не должны этому мешать. Беда в том, что под многополярностью многие в Москве понимают не просто констатацию объективного процесса усиления позиций одних стран и ослабления других, а некую идейную конструкцию. В ней под «справедливым мировым устройством» понимается всяческое ограничение роли западных стран, и прежде всего Соединенных Штатов, в мировых делах. «Многополярный мир» — это мир, в котором нет места ценностям, а господствует голый интерес. Это мир, в котором никто не задает неудобных вопросов авторитарным режимам. Это, по большому счету, мир весьма неуютный для России, которая не только не выглядит в нем самым

сильным или притягательным «полюсом», но и оказывается перед крайне непростой задачей, как в одиночку противодействовать значительно более сильному Китаю. Надежды на гармоничное управление мировыми процессами в таком мире иллюзорны, потому что у участников не будет общих ценностей, которые позволят им совместно оценивать проблемы и искать решения. Многополярность и концепция «особого пути» — это прежде всего не внешне-, а внутривнутриполитические инструменты сохранения статус-кво. Инструменты, отметим, не очень эффективные.

Впрочем, Алексей Арбатов сам пишет об этом на страницах «Уравнения безопасности». Он подвергает жесткой критике евразийство, которое на самом деле идейно очень близко многополярности. «Истинный... идеологический разлом ныне пролегает между либерально-демократическими ценностями и исламским радикализмом, между Севером и Югом, глобализмом и антиглобализмом», — утверждает автор (с. 51). Сегодняшняя Россия, считает он, хотя и не в полной мере приемлет либеральные ценности, но и к радикальным антизападным силам никогда не примкнет. Но если это так, то тогда политическим лидерам стоит сказать об этом прямо. Это позволило бы не просто создать новую атмосферу в отношениях России с ее главными партнерами в Европе и Америке, но и мобилизовало бы деятельную часть российского общества, ориентированную на интеграцию с Западом, а не эмиграцию туда.

Книга Алексея Арбатова, несмотря на упомянутые противоречия, чрезвычайно полезна в нашу новую эпоху, поскольку предлагает конкретную программу изменений в сфере обороны и безопасности. Вопрос «Что делать?» слишком часто оставался в России без ответа. К счастью, книге «Уравнение безопасности» такую претензию предъявить невозможно. ■

КОНСТАНТИН ФОН ЭГЕРТ

David Shambaugh. China's Communist Party: Atrophy and Adaptation. Wash.: Woodrow Wilson Center Press; Berkeley and Los Angeles: Univ. of California Press, 2008. 234 p.

Lily L. Tsai. Accountability without Democracy: Solidary Groups and Public Goods Provision in Rural China. Cambridge Univ. Press, 2007. 368 p.

Prisoner of the State: The Secret Journal of Zhao Ziyang / Translated and edited by Bao Pu, Renee Chiang, Adi Ignatius. N. Y.: Simon & Schuster, 2009. 336 p.

Самое загадочное в китайской политической системе это то, что она почему-то все-таки работает. С теоретической точки зрения, авторитарная однопартийная система, где правители лишены каналов адекватного информирования (в частности, при отсутствии свободных СМИ) и стимулов работать эффективнее (в частности, при отсутствии оппозиции и выборов); где при этом нет жестких репрессий, а идеология, похоже, атрофировалась; и где в довершение всего огромные финансовые потоки создают колоссальное коррупционное давление на всех уровнях, — такая система обречена на вырождение, на клептократическую импотенцию. Политологи до сих пор так и не предложили удовлетворительного объяснения, почему Китай не превращается в Нигерию или Россию. Понятно, что в Китае в условиях быстрого экономического роста режиму проще сохранять дееспособность, но это мало что объясняет: умение обеспечить такой рост само по себе является признаком исправно функционирующей политической системы.

Дэвид Шэмбоу, профессор Университета Джорджа Вашингтона, в своей книге «Коммунистическая партия Китая: упадок и адаптация» пытается проследить, какие именно шаги предпринимала китайская компартия, чтобы избежать судьбы КПСС. Российскому читателю будет любопытно уже

та интенсивность рефлексии, которая возникла в Пекине в связи с крахом «большого брата». Но еще более интересна — если не сказать, уникальна — способность китайского режима сделать какие-либо конструктивные выводы из того, что произошло с СССР, а тем более воплотить их в жизнь: немногие режимы умеют учиться на чужих ошибках. И если в первое время, как пишет Шэмбоу, китайские элиты объясняли начавшиеся в Советском Союзе изменения в основном проводимой Западом (и лично Джорджем Соросом) подрывной политикой, то уже в 1992 году их внимание переключилось на системные факторы. Помимо ухудшения экономической ситуации и резкого снижения уровня жизни в странах советского лагеря в 1980-х, Пекин отмечал также и организационные ошибки, допущенные непосредственно компартиями. Среди прочего аналитики КПК указывали на авторитарность политического руководства, отрыв правящих партий от народа, деградацию низовых парторганизаций, разложение номенклатуры и недостаточную идеологическую гибкость.

Соответственно, пишет Шэмбоу, КПК адаптировалась по двум направлениям — идеологически и организационно. И если идеологическая адаптивность была заложена еще в выдвинутом Дэн Сяопином лозунге «Практика — главный критерий истины», то с организационной точки зрения КПК взяла

курс на повышение «управленческих возможностей партии» и «поддержание передового характера» своих членов. Общеизвестно, что в Китае существует жесткая система ротации и обновления руководства, в том числе и высшего. На слуху и расстрелы пойманных на коррупционных преступлениях высокопоставленных чиновников. Менее известно, что в КНР действует разветвленная система отбора номенклатурных кадров и повышения их квалификации. Ключевое ее звено — это Центральная партийная школа (ЦПШ) в Пекине, где партийные боссы высшего уровня (замминистры, мэры, секретари обкомов) проходят обучение, а заодно подвергаются тщательной проверке со стороны старших товарищей и одновременно закладывают фундамент своих собственных альянсов и социальных сетей для будущей деятельности. Однако помимо ЦПШ в стране существуют сотни других партшкол разного уровня, где точно таким же образом проходят обучение, отбор и индоктринацию партийные функционеры различных рангов. В программе, наряду с «тремя источниками» (марксизм-ленинизм, работы Мао и доктрина Дэн Сяопина), содержатся «пять современных курсов», призванных дать слушателям представление о мировой экономике, праве, тенденциях технологического и научного развития, мировых идеологических трендах.

Тем не менее Шэмбоу не отвечает на главный вопрос: почему же все-таки созданная китайцами система не вырождается в российскую. Конечно, действующие механизмы ротации и фильтрации командного состава крайне важны, но неясно, почему в условиях авторитарной системы с атрофировавшейся идеологией и высоким уровнем коррупции они не превращаются в полнейшую фикцию. Отчасти, вероятно, такое вырождение имеет место: сам Шэмбоу приводит многочисленные примеры поборов и взяток в упомянутых выше партийных школах; уровень обучения в

них нередко крайне низок. В одной из региональных партшкол, например, посещаемость занятий, как выяснилось, колебалась на уровне 20 проц., а почти 70 проц. выпускников, благополучно получивших дипломы, так и не освоили предусмотренные программой курсы. Еще большей фикцией должны были бы стать (исходя из отечественного опыта) мероприятия вроде кампании по повышению дееспособности трех с половиной миллионов первичных ячеек КПК, а также по созданию парторганизаций на предприятиях частного сектора. Так, выборы глав деревенских парторганизаций теперь в 20 проц. случаев проходят с участием нескольких кандидатов, а на выборах глав деревенской исполнительной власти этот показатель еще выше.

Новаторскую попытку выяснить, что же именно происходит в тех самых деревнях, предпринимает в своей книге «Подотчетность без демократии: местные общины и предоставление общественных благ» американский политолог Лили Цай из Массачусетского технологического университета. Отправной точкой для Цай стало сравнение двух посещенных ею деревень в китайской глубинке. Формально, по своим демографическим, экономическим и географическим параметрам, эти деревни были похожи как две капли воды; соответственно, тамошние руководители имели в своем распоряжении примерно одинаковые ресурсы. И все же существенное различие между двумя населенными пунктами бросалось в глаза: если одна из деревень могла похвастаться свежесостоявшейся дорогой, то во второй местные жители с трудом пробирались на своих велосипедах через грязь и рытвины. Получается, предположила Цай, что дело вовсе не только в доступности финансирования, но и в том, как им распорядиться. Но тогда встает вопрос, почему в одной деревне местные начальники строят дорогу на благо односельчан, а в другой тратят

все доступные средства на строительство нового здания сельской администрации. В случае демократических обществ проблема контроля за работой местных властей решается благодаря их подотчетности местному населению: работает мэр хорошо — его переизберут, нет — прогонят взащей. Если же коррумпированный, неэффективный мэр годами и десятилетиями остается у власти, можно предположить, что в данном случае механизм подотчетности просто отключен: опираясь на бандитов-подручных, местного предпринимателя-олигарха, «карманную» прессу и тому подобные средства, этот градоначальник исключил возможность появления конкурентов, а тем более их победы.

Между тем в Китае мэры неподотчетны своим «избирателям»: деревенских (и не только) руководителей фактически назначают сверху. При этом, как известно, китайские власти в последние годы активно проводили политику децентрализации, предоставляя местному руководству больше самостоятельности, а также возможность распоряжаться дополнительными ресурсами (налоговыми поступлениями), которые те или иные деревни, города и области получают в результате успешного развития. Как показывают исследования, на уровне провинций действует достаточно жесткая система награждения лидеров и наказания отстающих, когда карьера региональных боссов зависит от того, какие темпы экономического роста им удалось обеспечить. На уровне же деревень эта система бюрократического контроля сверху не функционирует, утверждает Цай (не слишком, впрочем, подробно обосновывая свое утверждение). Соответственно, возникает вопрос, почему некоторые из деревенских начальников все же работают эффективно и предоставляют своим односельчанам общественные блага, вроде дорог, новых школ и т. д. Ведь, руководствуясь собственными интересами, они должны были бы направ-

лять на нужды своих сограждан абсолютный минимум, необходимый для поддержания социальной стабильности, а все остальные ресурсы присваивать.

Согласно гипотезе Цай, все дело в неформальной подотчетности: в одних деревнях мэры и партийные секретари осознают себя частью местного сообщества, в других — нет. В итоге в первом случае местные руководители ощущают моральное давление со стороны общины, достаточное для того, чтобы принудить их к добросовестному исполнению своих обязанностей. Во втором они не чувствуют никаких моральных обязательств перед согражданами и ведут себя как им заблагорассудится. По мнению Цай, в качестве сообществ, оказывающих моральное давление на чиновников, выступают в том числе храмовые общины и родовые группы (кланы). Несмотря на десятилетия коммунистического режима и «культурную революцию», традиции подобных объединений все еще очень сильны в сельском Китае и в последние годы переживают настоящий ренессанс. Даже самые бедные крестьяне считают своим долгом жертвовать средства на ремонт и содержание деревенского храма, на организацию ритуальных торжеств и тому подобные нужды. И мэры, и партийные секретари зачастую принимают активное участие в этой деятельности и, в свою очередь, опираются на авторитет общины и ее лидеров при решении стоящих перед ними задач. Там же, где влияние общины отсутствует, дороги плохи, школы не ремонтируются, а деревенский бюджет разворовывается.

Сформулировав эту гипотезу по итогам глубокого «погружения» в жизнь нескольких деревень, Цай проверила ее с помощью масштабного исследования, получившего приз Американской ассоциации политических наук (APSA). Нанятые Цай местные студенты объехали более 300 специальным образом отобранных деревень и оценили как интен-

сивность общинной жизни, так и качество общественных благ, предоставляемых местными чиновниками. Как оказалось, качество общественных благ было выше там, где границы деревни совпадали с границами местной храмовой или родовой общины. Там же, где в одной деревне жили представители нескольких групп, местные чиновники работали гораздо хуже. В первом случае, по мнению Цай, они не могли не считать себя членами местного сообщества, связанными соответствующими моральными обязательствами. В другом же случае, где сообщество было раздроблено, местное руководство стремилось не работать на благо всей деревни, а помогать «своим». Соответственно, в таких деревнях могло оказаться, что дорога, например, замощена только в «правильном» квартале.

Теория Цай выглядит красиво, ее доказательства звучат убедительно. Другое дело, что эта теория применима к наиболее консервативным, наименее затронутым модернизацией сегментам китайского общества. Конечно, в контексте таких сплоченных, гомогенных общин, о которых пишет Цай, с их значительным социальным капиталом, выстроить работающую систему «неформальной подотчетности» проще. Но вопрос состоит в том, как управлять другим Китаем — постоянно разрастающимся государством рабочих-мигрантов, оторванных от своих сельских корней горожан, где вышеописанные механизмы по понятным причинам не действуют.

На фоне этих и подобных им рассуждений политологов крайне интересны вышедшие весной 2009 года мемуары Чжао Цзыяна (1919–2005), занимавшего пост генерального секретаря Компартии Китая во время событий на площади Тянаньмэнь *. В силу особых

обстоятельств написания этих мемуаров они стали первым и пока единственным текстом китайского руководителя столь высокого ранга, не прошедшим перед выходом в свет официальную цензуру. (История текста имеет вполне детективный характер, но его аутентичность сертифицирована ведущим западным специалистом по современному Китаю, гарвардским профессором Родриком Макфаркваром, сопроводившим книгу своим предисловием.) Мемуары Чжао написаны чрезвычайно скучным, суконным языком, знакомым любому, кто читал воспоминания позднесоветских функционеров. Остается открытым вопрос о самоцензуре, а кроме того, описываемые события бывший генсек, разумеется, видит сквозь призму последующих многолетних размышлений о современной китайской истории и о своем месте в ней. Самим появлением этих мемуаров мы обязаны тому обстоятельству, что в 1989 году Чжао был смещен со своего поста за чересчур мягкую позицию по отношению к протестующим студентам и следующие полтора десятка лет провел под домашним арестом. Интересно, впрочем, что, как и в случае Хрущёва, Горбачёва или Ельцина, в предшествующей биографии Чжао, типичного китайского аппаратчика времен Мао, ничто не указывало на будущего реформатора и диссидента.

Самое, пожалуй, интересное в книге Чжао — это механизмы власти в эпоху Дэна, важные для понимания не только Китая той поры, но и других режимов. Хотя автор и не подвергает устройство власти отдельному анализу, оно отчетливо проступает в многочисленных эпизодах. Система, как ее описывает Чжао, состоит из двух основных элементов: «бессмертных» ветеранов, партийных старейшин, с одной стороны, и следующего за ними поколения более молодых (шестидесятилетних) руководителей, к которым в 1980-х принадлежал и сам

* Чжао Цзыян занимал пост генерального секретаря ЦК КПК с 1987-го по 1989 год. До этого в течение семи лет (1980–1987) Чжао был премьером Государственного собрания КНР.

автор. «Молодые» руководители занимали ключевые государственные посты, осуществляя оперативное управление страной. Старейшинам были отведены почетные должности членов политбюро или специально созданных консультативных органов, но по большей части они были отстранены от повседневного управления. Согласно описанию Чжао, «молодые» руководители, по сути, играли роль менеджеров, назначенных неформальным «советом директоров», то есть старейшинами, для управления партией и страной. Подобно членам совета директоров, старейшины имели полный доступ ко всей необходимой информации, совершали инспекционные поездки по стране, выступали с программными речами. В описываемый период главным среди старейшин, непрекаемым лидером был, безусловно, Дэн Сяопин. Решения Дэна считались окончательными, однако им, как правило, предшествовал довольно длительный период неопределенности, когда предложенная действовавшим руководством страны политика еще не была «освящена» решающим словом «верховного лидера» и, по сути, оставалась открытой для обсуждения. Ключевые решения, например, о смещении Ху Яобана, Дэн объявлял именно на совещании со старейшинами. Показателен эпизод, в котором один из старейшин не мог присутствовать при принятии одного из таких важных решений, поскольку был в отъезде: после того как совещание состоялось, Дэн немедленно отправил к нему в Шанхай личного эмиссара, чтобы тот не почувствовал себя исключенным из процесса выработки решений.

Мнение «молодых» руководителей и «старейшин» не обязательно совпадало, в том числе и по наиболее ключевым вопросам. Старейшины могли быть недовольны действиями руководства и иногда выражали свое недовольство в завуалированной или даже публичной форме, могли саботировать

выполнение принятых решений в рамках непосредственно подведомственных им департаментов, но они не имели возможности напрямую вмешиваться в оперативное управление и отменять принятое генсеком или премьером решение: любая подобная ревизия должна была быть проведена через официальные каналы. Вместе с тем при принятии каждого стратегического решения «молодым» руководителям необходимо было добиваться согласия старейшин, пусть и неохотного. Раз за разом Чжао описывает, как он ездил к старейшинам домой, согласовывал с ними тексты стратегических документов, пытался повлиять на них, прибегая к посредничеству дружественных ветеранов рангом ниже. Иногда приходилось даже изменять семантические трюки, соглашаясь включить в документ особенно важный для того или иного старейшины лозунг, придав ему при этом совершенно иное значение. По отдельным вопросам старейшины могли упорствовать, сигнализировать о своем недовольстве (например, демонстративно уходя из зала в момент оглашения неудобного им документа), но в итоге вынуждены были подчиняться партийной дисциплине. Однако «менеджеру», который систематически оказывался не способен создать устойчивую коалицию поддерживающих его старейшин, грозил провал. Как пишет Чжао, сопротивление старейшин фактически парализовало деятельность Ху Яобана еще за год до отставки последнего.

Из мемуаров Чжао Цзыяна становится очевидно, что никакой прозорливой стратегии китайских реформ, последовательно реализуемой Компартией Китая, не было. Чжао настаивает, что к моменту его назначения премьером в 1980 году у него не было ни готового плана реформ, ни даже понимания того, в каком направлении двигаться: им руководило лишь острое осознание неэффективности китайской экономики и необхо-

димости изменить эту ситуацию. Подобный подход означал, что единства мнений не было даже среди «реформаторов». Так, Ху Яобан был, наоборот, сторонником быстрых темпов роста, постоянно требуя «досрочно учесть» все и вся. По этому поводу между ним и осторожным Чжао с его призывами к повышению эффективности, то есть к качественному улучшению, постоянно возникали разногласия. О других членах руководства и говорить не приходится. Ху и Чжао проводили свои реформы, преодолевая жесткое сопротивление со стороны и консервативных старейшин (которые еще в 1980-х перечитывали работы Ленина, чтобы лучше «понять» современный капитализм), и ультраевых маоистов. Например, предложение сдать значительную территорию на острове Хайнань в аренду гонконгским девелоперам (выдвинутое, кстати, не реформаторами в Пекине, а местным партийным секретарем) вызвало шквал обвинений в «потере достоинства», было названо «оскорблением для [китайского] народа и предательством национального суверенитета». Сопротивление старейшин оказалось достаточно сильным, чтобы убедить Дэна приостановить проект.

Показательна также история введения в конце 1970-х—начале 1980-х годов семейного подряда на селе, когда крестьянским домохозяйствам, по сути, было разрешено брать землю в долгосрочную аренду. По свидетельству Чжао, практика эта зародилась стихийно в беднейших провинциях. Еще в 1978-м решения пленума ЦК напрямую запрещали семейный подряд. Однако уже в 1979 году на очередном пленуме была принята оговорка «за исключением особых условий, когда это необходимо в силу особенностей выращиваемой культуры или когда отдельное домохозяйство расположено в недоступной горной местности». Вдобавок, пишет Чжао, ему удалось изменить формулировку: вместо первоначального «семейный подряд запре-

щается» в итоговом варианте резолюции 1979-го было написано «семейный подряд не одобряется». Это не означает, что Чжао пытался «протолокнуть» идею частной собственности на землю. Сам Чжао, по его словам, в тот момент рассматривал введение семейного подряда как экстренную меру, приемлемую только в беднейших провинциях, где особенно плохо обстояли дела с продовольственным снабжением. Тем не менее даже в таком варианте это предложение встречало сопротивление со стороны консерваторов: соперники Чжао могли, например, «попросить» партийную газету опубликовать письмо, якобы поступившее из сельской глубинки и критикующее семейный подряд. Чжао удалось добиться официального одобрения семейного подряда в решениях партийного пленума лишь пару лет спустя, а до тех пор в отношении этой практики шли открытые дискуссии. В частности, партийные секретари одних провинций открыто заявляли о своем отказе внедрять семейный подряд, в других же провинциях это нововведение вызывало настоящий раскол в провинциальном руководстве. Тем временем на низовом уровне внедрение подряда шло своим чередом, и партийные старейшины в Пекине узнавали о «расползании» подобной практики из провинциальных газет, а также в ходе инспекционных поездок.

В итоге «китайская модель» выработывалась не только методом проб и ошибок, но в ходе упорной политической борьбы. Каждый последующий шаг в реформе отнюдь не был предопределен стратегическим планом, а, напротив, был почти случайным результатом подкованных баталий между различными фракциями. Так, Чжао, заняв пост генсека, вынужден был реализовывать навязанную ему консерваторами кампанию по борьбе с «буржуазным либерализмом», хотя сам он, по его словам, в принципе не одобрял ее. Его полномочий как лидера партии хватило на

то, чтобы ограничить ее размах, установив определенные правила (например, распорядившись, чтобы кампания не затрагивала экономическую сферу), но отменить ее он не мог. Мы можем сожалеть или не сожалеть о том, что Чжао не удалось реализовать политические реформы, которые чем дальше, тем больше казались ему необходимыми в конце 1980-х. Однако если взглянуть на ситуацию глазами китайской компартии, то становится очевидным, что своим выживанием и успехом КПК обязана не «вертикали власти», не авторитарному руководству Дэна, а сложившейся при нем системе коллективного руководства и встроенным в нее сдержкам и противовесам.

Такое положение дел вписывается в модель «динамичной стабильности», о кото-

рой говорит Шэмбоу. В противоположность «статичной стабильности», когда руководство или настолько испугано, или, наоборот, настолько довольно происходящим, что не способно что-либо изменить, «динамичная стабильность» предполагает необходимость постоянных перемен и адаптации. Однако, если взглянуть на вещи шире, все три рассмотренные здесь работы отвечают лишь на вопрос о том, как именно китайская система пытается адаптироваться, выживать и совершенствоваться. Вопрос же о том, почему именно здесь возникли эти уникальные механизмы, о которых другим авторитарным режимам остается только мечтать, так и остается открытым. ■

ИГОРЬ ФЕДЮКИН

Михаил Барабанов, Антон Лавров, Вячеслав Целуйко. Танки августа: Сб. статей. М.: Центр анализа стратегий и технологий, 2009. 144 с.

«Танки августа» не случайно пере-кликаются с «Августовскими пушками» Барбары Такман — знаменитой книгой о событиях, приведших к Первой мировой войне, которую Джон Кеннеди читал в дни Карибского ракетного кризиса. Такман блестяще показала, как великие державы оказались втянутыми в военный конфликт даже вопреки субъективной воле их руководителей.

Война 2008 года, начавшаяся как конфликт местного значения, быстро переросла в войну между двумя государствами, одно из которых было великой ядерной державой, а второе — фактическим союзником супердержавы США. В августе 2008-го внезапно, спустя два десятилетия после окончания холодной войны, запахло войной горячей. Сравнение с «августом четырнадцатого»

многим казалось предостережением, но не преувеличением.

В те недели президент Медведев и премьер Путин говорили о коренном повороте к худшему в международных отношениях, о готовности к новому противостоянию с США. Признание Москвой независимости Абхазии и Южной Осетии имело смысл только как средство сдерживания реванша со стороны Грузии, непосредственно поддержанной Соединенными Штатами.

Локальная война могла бы расширяться, перерасти в региональный конфликт, если бы Виктор Ющенко — Главнокомандующий Вооруженными силами Украины продублировал своим приказом указ Ющенко-президента о принудительном досмотре российских военных кораблей, пересекающих морскую границу Украины в районе Севастополя.

Если бы ВМС Украины получили подобный приказ, российско-украинское столкновение на море было бы неизбежным.

Такой конфликт, раз начавшись, вряд ли ограничился бы морской акваторией. «Морской бой», скорее всего, перерос бы в битву за Крым. На каком-то этапе можно было бы представить себе вмешательство американского Шестого флота. После этого Черное море стало бы напоминать Карибское. К счастью, этого не произошло, но урок из событий 2008 года должен быть извлечен всеми сторонами. Сборник статей, подготовленный Центром анализа стратегий и технологий, посвящен анализу хода российско-грузинского конфликта, особенно его военным аспектам. Здесь приводится подробная, сверенная по различным источникам, хронология. Работу в целом отличает высокий профессионализм.

Война — всегда главный и фактически единственный значимый тест для любой армии. В материале Михаила Барабанова содержится интересный анализ реформы Вооруженных сил Грузии, предпринятой президентом Саакашвили. Намерения Саакашвили — модернизировать грузинскую армию — были самыми серьезными, учителя и советники — опытными. Неудача реформы, выразившаяся в бегстве армии с поля боя уже на третий день войны, является следствием проблем не столько армии, сколько современного грузинского государства и общества в целом. Модернизация в отдельной сфере, пишет автор, пусть даже столь специфичной и автономной, как вооруженные силы, невозможна без кардинального снижения уровня коррупции в стране.

Хронология боевых действий, составленная Антоном Лавровым, скрупулезно фиксирует нарастание противоречий между сторонами конфликта и перерастание ставших уже рутинными «провокаций» — перестрелок и подрывов — в прямое столкновение. Материалы, собранные в «Хронологии», дают возможность достаточно убедительно реконструировать планы грузинского и рос-

сийского военного командования. Столь же тщательно проанализированы Лавровым — в отдельных материалах — потери российской авиации в Пятидневной войне и послевоенное состояние грузинской армии. Особый интерес представляет таблица основных поставок вооружения для Грузии из-за рубежа.

При всей полноте хронологии боевых действий она оставляет за кадром хронологию политических событий, которые, собственно говоря, и привели к войне. Требуется отдельное исследование на тему российско-грузинских отношений фактически с момента распада Советского Союза, и особенно с начала «революции роз» и прихода к власти Михаила Саакашвили. Такое исследование должно дать ответ на вопрос о целях и методах политики Москвы и Тбилиси, расчетах и просчетах обеих сторон. Надо отдавать себе отчет, что война 2008 года, которая привела к военному поражению Грузии, стала возможной в результате общей неудачи российской политики на грузинском направлении.

То, что опасность столкновения на Кавказе не исчезла, убедительно демонстрирует материал Вячеслава Целуйко, названный «Настоящее и будущее российско-грузинского конфликта. Военный аспект» (курсив мой. — Д.Т.). Конечно, ведущая роль в развязывании конфликтов принадлежит политическим факторам — как внутренним, так и международным, — которые остаются за кадром, но профессиональный анализ состава сил и средств, их дислокации, состояния и т. п. имеет большое значение для общей оценки ситуации.

«Августовские пушки» оказались очень своевременной книгой. Остается надеяться, что — при всем несходстве жанров и различии в охвате тем — «Танки августа» будут способствовать извлечению необходимых уроков из совсем недавней истории. Войны 2008-го могло не быть. Новой российско-грузинской войны быть не должно. ■

ДМИТРИЙ ТРЕНИН